

Бесспорно, в поведении Ставрогина присутствуют шизофренические черты. Несомненно, опытный врач не может не обратить внимания на его «странности и уклонения». Но при этом — и Достоевский это особо подчеркивает — его герой отличается громадным самообладанием и чудовищной волей. Больной — вменяем: он в состоянии полностью контролировать самого себя. И то, что он «проводит за нос» бедного Гаганова, не столько следствие внезапного умопомрачения (хотя, видимо, не без того!), сколько нравственная провокация, публичный эпатаж, глумливая «материализация метафоры». Точно так же растление Ставригиным малолетней Матрешы (не вошедшая в канонический текст романа глава «У Тихона») продиктовано не какой-то неодолимой патологической страстью к «нимфеткам» (как, скажем, у набоковского Гумберта Гумберта), а холодным и жестоким интеллектуальным расчетом. Это «чистый» (точнее, грязный) эксперимент: Ставригин совершенно сознательно позволяет себе «преступить». Он находит наслаждение отнюдь не в сексе, а именно в этом попрании закона — божеского и человеческого.

Да, конечно, Ставригин — глубоко больной человек. И Н.Н. Богданов доказывает это. Но, наверное, он согласится с тем, что глубинные причины ставригинского недуга носят не только физиологический, но и в значительной мере моральный характер. Собственно, само название романа «Бесы» — уже есть диагноз: что это, как не изображение всеобщего беснования, опасной и грозящей неисчислимыми бедами социальной болезни?

Напомним, кстати, заключительную фразу романа (после сообщения о самоубийстве Ставригина): «Наши медики по вскрытии трупа совершенно и настойчиво отвергли помешательство». При всей своей наивности вряд ли они ошиблись.

*Игорь Волгин,
профессор МГУ, доктор филологических наук,
президент Фонда Достоевского*

Наблюдения автора статьи не колеблют основ уже сложившейся концепции характера, но любопытно расширяют ее. Эти наблюдения оправданы тем своеобразнейшим свойством образа Ставригина, которое я решила бы условно обозначить словами «художественное излишество». Суть этого «излишества» в том, что многие поступки героя не могут быть объяснены рационально, не укладываются в систему его принципов, существуя как бы независимо от них, рядом с ними.

Известно, что почти все герои Достоевского обладают яркой своеобычностью, но при ней действия Раскольникова, Мышкина или Ивана Карамазова в корне обусловлены психологическими обоснованиями. У Ставригина же определенные его поступки лишь соседствуют с его сознательными решениями, не пересекаясь с ними. Поэтому взгляд психиатра, обращенный на эти поступки, может добавить к постижению личности героя нечто немаловажное. Любопытны и предположения Н.Н. Богданова о творческих импульсах, приведших Достоевского к возникновению столь своеобразного художественного замысла.

*И.А. Альми,
доктор филол. наук,
проф. кафедры литературы ВГПУ*